

**В ЦИКЛЕ «НАВИГАТОРЫ»
ВЫШЛИ КНИГИ**

НАВИГАТОРЫ
НЕРЕАЛЬНОСТЬ

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

НЕРЕАЛЬНОСТЬ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Ш18

Шалыгин, В.В.

Ш18 Нереальность / В.В. Шалыгин. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 372 с. — (Миры Вячеслава Шалыгина).

ISBN 978-5-521-74249-3

Непростая ситуация, которая сложилась в «Новом» мире после «конца света», очевидна лишь для навигаторов и некоторых продвинутых пользователей параллельных миров, вроде майора ФСБ Гуськова. Все остальные живут, как жили. Но это если говорить только об одном из смежных миров. В параллельной реальности «Старого мира» действительно наступил конец всему и всем. Казалось бы, и какая разница нам, не заметившим апокалипсис, что там творится в другой реальности? Всё просто. Скоро наступит момент, когда в «нереальности» начнётся «откат». И вот тогда-то достанется на орехи всем. И правым, и виноватым, и нейтралам вроде нас с вами.

BIC FL
BISAC FIC009000

© Вячеслав Шалыгин
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
ISBN 978-5-521-74249-3 © Т8 Издательские технологии, 2020

МОСКВА, 21 ДЕКАБРЯ 2012 ГОДА

Это выглядело, как начальные кадры какого-то фильма. Только титров не хватало, и вместо экрана было окно служебной машины. Правда, на этом «экране» майор Гуськов видел лишь часть «фильма», только документальные кадры про обстановку «здесь и сейчас», в Новой реальности. Другая половина «кино» мелькала в его воспоминаниях и в воображении. Кое-что он вспоминал, а некоторые места отчетливо представлял себе в том унылом состоянии, в которое их привела катастрофа в Старом мире.

«Ауди» легко нырнула в ярко освещенный короткий тоннель под Дорогомиловской заставой и покатила себе дальше по Кутузовскому в сторону Парка Победы. Поток машин здесь был плотный, но терпимый, всё-таки ночь на дворе. А вот в Старой реальности проспект сейчас был завален перевернутыми, сгоревшими и давно остывшими машинами. Пришедшие в негодность авто вмерзли в мутный лед, а сверху их припорошило снегом. И никакого привычного освещения в Старом мире больше не было: ни фонарей, ни светящихся окон, ни хотя бы луны, только полярное сияние просвечивало сквозь мутную облачную пелену.

А памятник Багратиону, который в этой реальности стоял, как и прежде в небольшом сквере на четной стороне проспекта, там, в Старом мире, превратился в огромную ледяную глыбу, которую обрамляла хаотичная баррикада из обломков зданий, поваленных ураганами деревьев и фонарных столбов. Не лучше выглядели и остатки пешеходного моста имени того

же полководца, и обледеневшая набережная Москвы-реки, и полуразрушенные высотки Москва-Сити на другом берегу.

И старые дома, что тянулись дальше вдоль Кутузовского проспекта, выглядели солидными, надежными и внушающими уважение памятниками ушедшей эпохи только здесь, в Новом мире. В Старой реальности они угрожающе нависали, как серые стены холодного ущелья. Там они пугали и казались огромной ловушкой, а не убежищем. И на каждом этаже в большинстве квартир этих домов-капканов наверняка было полно окоченевших трупов. Это вместе со своими жилищами погибли те, кто не поверил, что Старый мир действительно рушится.

Впрочем, тем, кто в это поверил и попытался выбраться из города, удача не захотела улыбаться тоже. Майор отлично помнил столпотворение на дорогах города, которое он видел, когда пытался выбраться из Старого мира. Это были другие улицы и проспекты, закончил своё путешествие майор в Строгино, однако нетрудно было представить и то, что творилось на Кутузовском. Вряд ли что-то принципиально отличалось.

Вот, например, на развязке с Третьим транспортным и в районе метро «Кутузовская» дело было наверняка совсем плохо. Все виадукки над железнодорожными путями были разрушены, и даже толстый слой снега или пурга не могли скрыть эту чудовищную картину. Сотни машин, покореженных, смятых в лепешку, придавленных бетонными обломками, выгоревших дотла или же покрытых бугристой серой ледяной коркой образовали непроходимый завал, который тянулся вправо до самой Москвы-реки, а слева перекрывал вид на железнодорожную станцию и Раменки. Что-то подобное Гуськов видел на МКАД, и воображению не составило труда спроецировать эту картину на Кутузовский.

Так что, пусть никаких кошмаров из Старой реальности вживую майор ФСБ Алексей Гуськов сейчас не наблюдал, зато вспоминал и представлял себе всё с той же ясностью, с какой

видел живые картинки благополучной Новой реальности, что мелькали за окном машины.

Если честно, Гуськову хотелось зажмуриться, чтобы прогнать наваждение, но майор пересилил себя и не поддался секундной слабости. Он просто внутренне встряхнулся и приказал себе собраться. Как перед стартом на ответственном соревновании или на экзамене. Самодисциплина всегда была у Гуськова на высоте, и зажмуриваться или отворачиваться от проблем ему обычно не требовалось. Обычно он справлялся с трудностями, глядя им в глаза. Так получилось и сейчас, разве что времени потребовалось больше чем обычно. Но всё-таки получилось, и майор выдохнул с облегчением. И это не фигура речи. Гуськову действительно стало легче на душе.

Оно и понятно. Рецепт Гуськова был универсальным. Не только трудности отступают, когда им смотрят в глаза. Всякие глупые внутренние сомнения и страхи тоже пасуют, когда ты не пытаешься отвернуться от проблем или игнорировать правду. Даже если эта «правда» горит и затягивает дымом пожаращ перспективу. Даже если она заключается в том, что шансов у тебя почти нет и жить тебе осталось от силы два дня. И пусть два дня! Зато легко, на кураже и точно зная, за что ты погибнешь. С одной стороны, утешение так себе, но с другой — а оно нужно, это утешение? Нет. Когда ты не боишься трудностей и знаешь правду, никакого утешения не требуется. Смелость, помноженная на это знание лучше любого утешения, сочувствия или мотива.

Как бы. Или все-таки лучше жить с опаской и в неведении, но долго? Как знать?

«Черт, да хватит ломать голову! Так никогда в кучу не соберешься! Всё, закрыли вопрос! Делай, что должен и будь, что будет. Вот и весь рецепт успеха. А там увидим».

Гуськов очередным усилием воли окончательно (как он надеялся) прогнал невеселые мысли и вновь сосредоточился на

видах за окошком машины. За ним опять мелькали привычные и благополучные фрагменты из жизни ночного города. Без всяких удручающих картинок-вставок из «мира иного». Теперь всё шло ровно, непрерывным видеорядом. Как обычно. Хотя нет, в связи с приближающимся Новым годом картинки заснеженной столицы были симпатичнее обычных.

Гирлянды, украшенные елки, подсветка витрин... все сверкало и переливалось, создавая предпраздничное настроение у всех, от прохожих до автомобилистов и от покупателей до продавцов в многочисленных магазинах и на ёлочных базарчиках. Прохожие, как обычно, куда-то спешили, но на их лицах не лежала печать вечной озабоченности, а водители почти не дергались, не сигналили, как сумасшедшие, и не подрезали друг друга. И над торговыми пятачками не витал дух наживы, как это бывало на территории канувших в историю «стадионных» рынков, например, «Черкизона» и «Лужи». Продавцы елок и покупатели торговались весело и непринужденно, зачастую договариваясь о цене вдвое ниже стартовой, да ещё скрепляя сделку глотком «согревающего».

Короче, складывалось впечатление, что во всем этом мире грустил и забивал голову проблемами только майор Гуськов. Возможно, так и было, но ведь майор знал правду, а другие люди — нет. Майор знал, что весь этот симпатичный мир лишь подделка, и что настоящий мир сейчас рушится, а не готовится к празднику. А все эти люди за окном машины и не подозревали ни о чем подобном.

«И лучше им не знать ничего, — майор отвернулся от окна. — Зачем? Они и в искусственной реальности хорошо живут, и будут жить дальше. А то, что в настоящем мире сейчас умирают их двойники, их точные копии, а вернее — оригиналы, это не их проблема. Не этих людей. Для них реальность одна и в этой реальности жизнь идет своим чередом. Пусть всё так и остаётся. А спасение утопающих в Старой реальности

дело рук самих утопающих, как ни прискорбно это сознавать. И, к сожалению, это не бред, не продукт больного воображения. Разделение реальности на Новый и Старый мир это та самая пылающая правда, зная о которой якобы легче жить».

«Ауди» припарковалась у стандартной высотки и водитель ненадолго исчез. В отличие от Гуськова, который решил сегодня вообще не заезжать домой, водитель, Олег забежал переодеться и повидать семью. Собственно поэтому они и поехали из Конторы в Щукино не напрямую по Ленинградке, а сделав довольно приличный крюк. В десятом часу вечера потеря времени выходила не критическая, поэтому Гуськов не стал возражать, когда Олег попросил об одолжении. Зачем портить отношения с новыми коллегами?

Да и чисто по-человечески... Будь у Гуськова семья, он, наверное, тоже заехал бы домой после суток скитаний невесть где. Но с семьей у майора не заладилось, и вот уже почти год он жил холостяком, поэтому Гуськов не видел особого смысла в поездке домой. Тащиться через весь город в свою пустую квартирку, зачем? Переодеться? Изодранную куртку он и так поменял, а остальное успеется. Перекусить? Он уже перекусил. Что ещё? Убедиться лишний раз, что никудышный семьянин, взглянув на пустые полки в шифоньере и не расправленную двуспальную кровать? Тем более не стимул.

Новая тема для размышлений оказалась почти такой же грустной и затягивающей, как и предыдущая, поэтому, майор даже не заметил, как пролетели минуты ожидания, как Олег снова уселся за руль, вывел «Ауди» на дорогу и за пятнадцать минут домчал до ЦКВГ ФСБ на Курчатова. Впрочем, что тут удивительного? Сочувствие самому себе это наиболее захватывающий вид размышлений, прямо-таки в транс вводит. Куда там раздумьям о судьбах мира! Так что, когда машина остановилась у подъезда хирургического корпуса госпиталя, Гуськову пришлось сделать над собой двойное усилие, чтобы выйти из

задумчивости, в которую он соскользнул, несмотря на все внутренние приказы и попытки настроиться на текущие дела.

Майор коротко объяснил водителю, где припарковаться и как долго ждать, а затем бодро, несмотря на суточную усталость, поднялся на крыльцо госпиталя ФСБ и вошел в приемный покой.

Первое, чем встретил майора госпиталь, был характерный стерильно-казённый набор запахов. После запаха кожи в новенькой служебной «Ауди» и пары глотков чистого морозного воздуха на крыльце госпиталя, больничные запахи удручали особенно сильно. Да и свет энергосберегающих ламп в приемном покое, а затем в коридоре первого этажа тоже не особенно радовал. Здесь использовались достаточно яркие лампы «дневного света», но свет этот казался каким-то безжизненным. И шаги в пустом коридоре звучали слишком отчетливо и угрожающе. Словно не ты сам идешь, а идут за тобой. Причем, и в прямом и в переносном смысле. Так и хочется поднять на всякий случай руки вверх и оглянуться.

Что ни говори, больница есть больница, невеселое место. Особенно ночью. Этот вывод майор Гуськов сделал давно, еще, когда впервые загремел вот в это самое хирургическое отделение госпиталя ФСБ в Щукино. Попал из-за пустяка, получил касательное ранение плеча, но сразу понял, что валяться ему придется гораздо дольше, чем он пролежал бы дома. Нет, не потому, что дома и стены помогают, а в госпитале царит какая-то нездоровая атмосфера, которая тормозит процесс выздоровления. Ничего такого. Просто из-за общей тоскливой обстановки время здесь тянется гораздо медленнее. Ну, просто «ползет улиткой по склону Фудзи». А когда время растянуто, его хватает, чтобы обратить внимание на мелочи, которые в нормальной обстановке не замечаешь. То там кольнуло, то здесь зачесалось, то в ушах зашумело. Начинаешь осторожно интересоваться у персонала, с чего бы это всё? А медики и рады